

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ПРИЧАСТИЙ НА -ЫСЬ И АКТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЧАСТИЙ НА -АН, -АНА В КОМИ ЯЗЫКЕ

0.1. Одним из интересных языковых фактов в пермских языках является грамматическая синонимия в системах причастий. Наложение семантических и функциональных ролей разных форм в ходе развития языков, однако, до сих пор не интерпретировалось и даже не констатировалось в грамматиках, исключая лишь упоминания о схожести значений типа к. *котӧртысь* морт «бегущий человек», *котӧртан* морт «тж» в некоторых исследованиях (ВВД 114; ПСД 154; ССД 55). Между тем синонимия в причастной системе интересна с точки зрения и диахронии, и современного языкового состояния как фактор развития морфологической системы. Кроме того, синонимия причастных форм широко представлена и в других финно-угорских языках. В сущности, явление охватывает все пермские языки, однако анализ проводился лишь на материале коми языка. Проецирование прапермской ситуации возможно лишь при учете соответствующего удмуртского материала.

1.1. Возникновение синонимии, вероятно, относится к общепермскому периоду. Одна из двух синонимичных форм, несомненно, вторична. Само развитие грамматической синонимии еще раз доказывает то, что развитие языков подчас приводит к аналогичным результатам, доказывая тем самым асимметрию и непропорциональность языкового эволюционирования.

Суффиксы причастий восходят к прауральскому деривационному фонду. Однако причастия финно-угорских языков как элементы системы инфинитных форм возникли в поздний период в отдельных ветвях языков, хотя их развитие началось раньше появления инфинитивов (Rätsep 1954: 465). На основе типологического анализа семантических структур исследуемых форм, которые уже были выявлены в предыдущих исследованиях — о партиципах на -ысь, -(и)сь (Калинина 1975б: 58—64; Цыпанов 1984: 290—297), о коми партиципах на -ан, -ана (Цыпанов 1985: 263—271), можем считать первичной форму на $*=p+V$, т. к. она сохраняет архаичные черты эксплицитной залоговой недифференцированности, например, к. *gögörvoana* зон «понимающий парень», *gögörvoana* мөвп «понятная, понимаемая мысль». Однако в речи залоговость как некая соотнесенность действия с субъектом или в иных случаях с объектом в семантической структуре причастной конструкции постоянно выражена, партиципы выступают или в активном, или в пассивном значениях. Н-овые причастия в активном значении в удмуртском, вероятно, встречаются уже очень редко, т. к. они обычно в научной литературе выделены малым количеством примеров, например, та гурезё интые *лыктоно* экспедиция «экспедиция, которая должна прибыть в эту гористую местность» (ГСУЯ 1962: 265). Это примарное значение активного причастия настоящего времени могло быть выражено и иной конструкцией.

История возникновения активных причастий на -(и)сь, -ысь, например, к. йирсысь мөс «пасущаяся корова», в пермистике представлена неадекватно (Бубрих 1949: 130; Серебренников 1963: 156; Основы 1976: 150). Причастия считают древними и первичными, а широко бытующие имена на -ысь, например, зорёд тэчысь «стоговальщик», кёр видзысь «оленовод» считают вторичными образованиями, субстантивированными причастиями. Однако, в действительности была обратная картина, имя действителя расширило синтаксическую дистрибуцию и в функции атрибута превратилось в активное причастие — *уджалысь* «работающий» → *уджалысь* морт «работающий человек». В пользу этого, кроме семантических и синтаксических факторов, говорят и типологические параллели в других финно-угорских языках. Так, марийские активные причастия типа *толшо* «приходящий, пришедший» являются расширившими свои синтаксические функции именами действителя (Галкин 1964: 163—164). Типологически близкую картину дают прибалтийско-финские языки, где имя деятеля на -ја употребляется как

причастия в водском — лаило́је роике «поющий мальчик» (Ariste 1968: 79), ливском, карельском, эстонском языках (Tauli 1966: 178) — наряду с общеприбалтийско-финским причастием на -ра, -рә. В пермских языках формы с -(и)сь, -ысь в настоящее время очень активны.

Коми диалекты и литературный язык представляют по факту синонимии богатый материал, который свидетельствует о постоянном изменении соотношения в их дистрибуции. Как некий статичный индикатор использованы литературные коми тексты 70—80-х годов (в основном проза).

1.2. Наиболее общей тенденцией дистрибуции синонимичных форм в коми языке является учащение употребительности активных причастий на -ысь и редукция употребительности форм на -ан(а) в активе. Закономерно, что сокращающиеся формы шире представлены в диалектной устной речи. Это отмечено на материале вымского и других северных диалектов, например: **Ыслалан** челядьлысь юо «Спроси у катающихся детей» (Фролова (Жилина) 1950: 242; Ляшев 1975: 162—163). Явление характерно для всех диалектов, люди старшего возраста чаще употребляют словоформы на -ан(а) в активном значении. Но наиболее наглядно замещение употребления форм на -ан(а) в активе действительными причастиями на -ысь видно на материале письменных текстов, в произведениях разных лет (подсчеты произведены из объема 40 000 словоформ).

-ысь	55	79	165
-ан(а)	55	84	17
	20-е годы (ср. данн.)	30-е годы (ср. данн.)	Е. Рочев «Лӧз тундра» 1980 г.

Таблица показывает изменения соотносительности употребления синонимичных форм. Однако их употребление в большой мере зависит от авторского языка. Например, у П. Доронина в романе «Парма съӧлӧмын» (1936 г.) на 40 000 словоформ зафиксировано 82 случая с -ысь и 157 с -ан(а) в активе, у В. Юхнина в романе «Алӧй лента» (II вариант 1954 г.) с -ысь 106, с -ан(а) в активе 21, у Г. Юшкова в романе «Чугра» (1981) соответственно 78 и 80. Однако в языке произведений большинства современных коми прозаиков бытование причастий на -ысь во много раз превышает встречаемость сокращающихся форм, что, на наш взгляд, не является нормальным

явлением, т. к., несмотря на синонимичность, причастия несут и некоторые семантические оттенки.

1.3. Хотя общая структура значения синонимичных образований определяется схемой атрибут=причастие+определяемое слово=логический субъект, например, **йöктысь** ныв, **йöктан** ныв «танцующая девушка», в литературном языке причастия в минимальном контексте (партицип+определяемое) имеют определенные различия. Далее приведем кратко лишь результаты наблюдений.

По одушевленности/неодушевленности референта-определяемого разница состоит в том, что активные причастия на -ысь имеют в определяемом продуктивно одушевленный и неодушевленный референт, например, **горзысь** кага «кричащий ребенок», **чушкасьысь** кань «фыркающий кот», **петысь** шондй «восходящее солнце», в то время как причастия на -ан(а) в активе в литературном языке имеют постоянно неодушевленный референт-определяемое, напр., **гымалан** кымöр «громящее облако», **торъялана** серпас «отличающаяся картина». Референт-определяемое причастий на -ан(а) в активе массово представлен в диалектной речи и фольклоре, напр., **синмö пыран** гут «лезущая в глаза муха», **пуалан** ур кодь «как белка, перебегающая с дерева на дерево», в беллетристике же — в очень немногих случаях. В литературном языке причастия на -ан(а) в активном значении в большинстве определяют не конкретно действенные объекты-денотаты, а статичные, нединамичные, например, голос, речь человека, ср.: **дэльöдана** сёрни «дразнящая речь», глаза, взгляд, органы тела, напр., **вазган** пиньяс «скрипящие зубы», ощущения, мысли, явления природы и т. п.

В денотативном плане причастия на -ысь продуктивно образуются от основ всех глагольных групп, а причастия на -ан, -ана в большинстве от глаголов признака, отношения, состояния, глаголов конкретного действия, обозначающего действия, которые характеризуют способ существования, качество субъекта действия, например, **дзузган** лампа «мерцающая лампа», **ёпкан** сьёлöм «стучащее сердце».

Другой особенностью является то, что для выражения конкретного действенного признака объекта-определяемого чаще всего используется активное причастие на -ысь, а активные значения причастий на -ан, -ана используются для выражения обобщенного действия, общевременного. Например, в повести Г. Юшкова «Вилядь сиктса ань» главу семьи берут на войну, а в этой ситуации характерны употребления: Лои чуксавны, мед ог сёрмöй **катан** пароход вылö «Пришлось разбудить, что-

бы не опоздать на поднимающийся пароход» (вообще пароход, вне связи с конкретной ситуацией), и далее при описании самих проводов — а тыдовтчис нин катысь пароходыс «показался уже поднимающийся по реке пароход».

Приведенные особенности характерны для литературных текстов. Однако, кроме семантических сдвигов, синонимия двух форм (и конкуренция их) прямо влияет на адъективацию редуцирующихся форм на -ан(а).

2.1. Сделанные наблюдения позволяют констатировать, что в пермских языках причастные системы, постоянно находясь в динамике, развивались по пути появления грамматической синонимии у форм с -с' и -н настоящего времени. Вероятно, соперничество двух образований и далее будет приводить к редукции *н*-овых форм в активных значениях. Несомненно, еще более интересные выводы по грамматической синонимии будут достигнуты при параллельном описании взаимоотношений соотносительных форм удмуртского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

ВВД	— Верхневычегодский диалект коми языка
ГСУЯ	— Грамматика современного удмуртского языка
ПСД	— Присыктывкарский диалект коми языка
ССД	— Среднесыольский диалект коми языка